

UNITED WISDOM

Забывание: утрата, отбор и возможность продолжать

Человек и внутренний мир

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

I-05-N05 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Забывание: утрата, отбор и возможность продолжать

Эпиграф

> *«Нам это нужно для жизни и действия».*

Фридрих Ницше, «О пользе и вреде истории для жизни», предисловие; авторский перевод фрагмента Adrian Collins: предмет высказывания — история. Цитата задаёт вопрос о её использовании, не обещает управление памятью.

О чём эта статья

Забывание бывает разным по своему значению. Можно не вспомнить название улицы, потерять подробность дорогого разговора, перестать ежедневно возвращаться к старой задаче или заметить изменения памяти, которые тревожат. Эти ситуации нельзя объединить одной оценкой: «полезно отпускать» или «плохо забывать». Отсутствие доступной детали не обязательно означает утрату её ценности, а возможность продолжать жить не требует стереть прошлое. Статья различает личное воспоминание, внешний след, нынешний выбор внимания и клинический вопрос. Ницше обсуждает отношение истории к жизни; Августин размышляет о парадоксе помнить забывание; лабораторное исследование рассматривает доступность выученных слов. Их предметы и основания различны. Сравнение помогает ставить вопросы, не превращая философию в лечение, эксперимент в способ забыть тяжёлый опыт, а неполную память в моральный недостаток. Все повседневные сцены ниже условны. Предлагаемая практика касается обычной организации и бережного сохранения известного; она не извлекает скрытые воспоминания и не ставит диагноз. Важно понять не только, что исчезает, но и что стоит поддержать, что требует помощи и какое действие возможно сейчас.

I. Не вспомнить и решить больше не возвращаться — не одно

Представим условного человека, который не может назвать кафе, где много лет назад встретил друга. Он хотел бы вспомнить, но название недоступно. Другой условный человек прекрасно помнит старую рабочую задачу, однако решает не проверять её каждый вечер, потому что обязательства уже завершены. В первом случае речь о доступности содержания, во втором — о нынешнем действии. Их легко объединить словом «забыть», хотя возможности различны. Решение не возвращаться к теме не доказывает, что память исчезла. А невозможность назвать подробность не сообщает, что человек сознательно отверг её или недостаточно ценил.

Полезно уточнить, чего именно хочется: восстановить обычный факт из доступного источника, сохранить дорогую деталь, снизить число ненужных проверок или разобраться с тревожащим изменением памяти. Это разные задачи. Для названия кафе может подойти старое письмо; для завершённого обязательства — ясная отметка о завершении. Ни один шаг не должен обещать управление любой внутренней сценой. Статья не предлагает заставить себя не думать или проводить домашнюю тренировку подавления воспоминаний. Авторское различение помогает выбрать подходящее действие, а не заменить неизвестный механизм общей командой «отпусти прошлое». Иногда нужнее организовать настоящее, чем пытаться изменить саму доступность памяти.

В условном разговоре такая точность может убрать лишнее обвинение. «Я не помню число» не равняется «мне было всё равно». «Я не хочу снова обсуждать это сегодня» не равняется «этого не было». При этом выбор не говорить не отменяет реального обязательства, если оно сохраняется. Нужно отдельно установить, что требуется сейчас и на каком основании. Одна фраза о забывании не решает все отношения и факты. Можно признать предел воспоминания, обозначить предел разговора и найти внешний способ поддержать нужное знание. Тогда слово «забыть» перестаёт скрывать несколько несовместимых задач, а человек получает возможность действовать соразмерно тому, что действительно происходит, без немедленной оценки характера или глубины чувств.

II. Утрата подробности не измеряет любовь

Условный человек хранит память о близком, но однажды не может точно воспроизвести его голос. Это может быть печально именно потому, что связь дорога. Из такой трудности нельзя вывести меру любви, верности или благодарности. Способность сейчас вызвать определённую деталь и значение отношений имеют разные основания. Можно помнить поступок, ощущение совместного времени или известный рассказ, не имея полной внутренней картины. Статья не обещает, что внимание обязательно вернёт голос, и не предлагает проверять чувства через способность воспроизвести его без ошибок. Неполнота не должна становиться экзаменом на правильное отношение к ушедшему человеку.

Если есть обычная доступная запись и человек хочет её послушать, она может сохранить внешний след. Однако запись не равна возвращению самих отношений и не обязана нравиться каждому слушателю. Условный родственник может предпочесть фотографию, другой — рассказ, третий — не обращаться к материалам сейчас. Различия не требуют общего правила. Внешняя опора полезна, когда соответствует желанию и нынешним возможностям, а не становится ежедневным доказательством верности. Можно сохранить небольшой материал и не проверять постоянно, всё ли ещё вспоминается. Здесь предложено бережное применение, не метод работы с утратой и не обещание клинического улучшения.

Сохранение имеет и предел ответственности перед другими. Запись голоса или чужое письмо могут касаться приватной жизни. Желание не потерять память не даёт автоматического права распространять материал без учёта согласия и последствий. Иногда достаточно личной заметки о том, почему эпизод дорог. Иногда разумно спросить владельца записи о допустимом использовании. Важна возможность сохранить ценность без расширения доступа по умолчанию. Человек также вправе признать конкретную утрату: не всё заменяется архивом, и не каждое исчезнувшее ощущение превращается в новую возможность. Можно печалиться о подробности и одновременно знать, что отношение не исчерпывалось ею. Такой взгляд не отменяет потерю, но не добавляет к ней необоснованное обвинение, будто неполная память сама по себе означает недостаточную любовь.

III. Ницше спрашивает, чему служит история

В предисловии к сочинению об истории Ницше спрашивает о знании, которое помогает или препятствует действию. В разделе I он противопоставляет постоянный груз прошлого возможности действовать в настоящем, а в разделе X возвращается к ограничению исторического горизонта. Это философская полемика о культуре и жизни, не описание медицинской утраты памяти. Его сильные оценки нельзя превращать в меру здоровья или силы конкретного человека. Читатель не обязан считать свою трудность слабостью лишь потому, что древнее или классическое произведение восхваляет способность продолжать. Ницше, Collins, предисловие и I/X.

Авторский вопрос может быть уже: какую роль играет обращение к прошлому в нынешнем деле? В условной ситуации человек готовит семейный праздник и снова перечитывает все старые сообщения о том, как однажды ошибся. Возможно, конкретная запись помогает учесть пожелание гостя. Возможно, дальнейшее чтение уже не добавляет нужной информации. Эти варианты можно различить по задаче, не объявляя воспоминание вредным вообще. Если достаточно уточнить время и договорённость, не нужно сначала рассмотреть всю историю отношений. Ограничение объёма работы не означает отрицание прошлого; оно может быть обычным решением о том, какие сведения нужны для конкретного действия.

При этом философский язык «болезни истории» не следует переносить в клиническую речь. Он не устанавливает диагноз и не даёт персонального назначения забывать. У Ницше есть собственные культурные оценки и иерархии, которые статья не принимает целиком. Сравнение используется как повод спросить о служении знания жизни, сохраняя право не согласиться с автором. Если прошлое содержит существенный вред или действующее обязательство, удобство нынешнего действия не отменяет его рассмотрения. Можно ограничить ненужное перечитывание и всё же сохранить важную запись. Так философский вопрос помогает соразмерности, не превращаясь в разрешение уничтожить следы, обесценить чужую историю или потребовать от человека немедленно жить так, будто ничего значимого прежде не происходило.

IV. Что показал опыт с выученными словами

Андерсон и Грин в статье Nature 2001 года исследовали задачу think/no-think с выученными парами слов. При определённых условиях последующее воспроизведение элементов, которые участники старались не вызывать, было ниже контрольного уровня; использовались также новые подсказки и проверки альтернативных объяснений. Это результат лабораторной процедуры и аргумент авторов о контроле извлечения. Он не показывает стирание биографии, не проверяет лечение травмы и не доказывает существование конкретной скрытой сцены. Более широкое обсуждение вытеснения в статье остаётся интерпретацией, которую здесь не принимают как установленный факт о каждом человеке. Anderson and Green, 2001.

Важно разделять наблюдение и модель. Изменение результата теста после заданной процедуры — одно утверждение. Объяснение этого изменения через определённый механизм — другое. Перенос на реальные отношения или тяжёлый опыт — ещё отдельный вопрос. Читатель не должен превращать слово «контроль» в обещание по желанию перестать помнить. Статья также не предлагает повторять процедуру над собственной биографией. В условной жизни содержание, мотивация, последствия и условия помощи отличаются от выученных слов. Внешнее сходство «я не хочу думать» не устанавливает, что действует тот же механизм, и не позволяет оценить будущий результат.

Для общей темы исследование полезно более ограниченно: оно показывает, что в конкретном эксперименте доступность выученного содержания связана с тем, как участники выполняли задачу. Это не полная теория любого забывания. Из него нельзя вывести, что забытое всегда хранится неизменным, обязательно восстанавливается или было вытеснено из-за тяжести. Нельзя также обвинять человека в том, что он недостаточно старается забыть или помнить. Вопрос обычной организации внимания может обсуждаться без переноса экспериментального вмешательства в домашнюю практику. Если воспоминание болезненно, подходящая помощь определяется нынешними трудностями и квалифицированной оценкой, а не одной научной статьёй. Исследовательский результат остаётся ценным именно при ясном масштабе: он поддерживает определённый вывод внутри задачи, сохраняя открытыми другие вопросы о жизни, памяти и последствиях.

V. Августин замечает предел самопонимания

В книге X «Исповеди» Августин спрашивает, как можно узнавать и помнить само забывание, если оно означает отсутствие памяти. Это философское затруднение внутри христианского обращения к Богу. Он рассматривает собственное сознание, но не изображает его устройство полностью прозрачным. Такой текст не устанавливает современный механизм забывания и не подтверждает лабораторную модель. Здесь важно другое: размышляя о себе, можно обнаружить вопрос, который не удаётся окончательно разрешить одним внутренним наблюдением. Признание этого предела не обязательно уничтожает способность говорить о своей жизни. Августин, X.16, перевод Pusey.

Условный человек может знать, что забыл имя: он помнит встречу и понимает, что нужное слово не появляется. Знание об отсутствии детали отличается от знания её содержания. Можно назвать пробел без попытки немедленно объяснить, почему он возник или где хранится ответ. Это авторский бытовой пример, не продолжение богословского доказательства. Иногда внешняя запись решит обычную задачу; иногда имя останется недоступным. В обоих случаях ясная формулировка полезнее выдуманного ответа. Самопонимание включает не только то, что удаётся описать, но и способность сообщить, какая часть пока неясна и чего внутреннее наблюдение само по себе не устанавливает.

Христианский смысл у Августина связан с поиском Бога и пониманием человека перед Ним. Он не сводится к универсальной технике принятия неопределённости. Ницше, в свою очередь, решает другой культурный и философский вопрос. Сопоставление не означает, что оба учат одному и тому же или предвосхищают современную науку. Можно заметить общее внимание к пределу отношения с прошлым и сохранить различие целей. Для автора статьи практический вывод ограничен: не нужно притворяться, что каждое забывание объяснено, чтобы пользоваться доступным знанием и выбирать нынешний шаг. Неизвестный механизм не делает человека виноватым. Вопрос можно оставить открытым, не превращая его в пустое место для готовой метафизической, семейной или клинической истории, которую кто-то предлагает принять без подходящих оснований.

VI. Внешняя опора может сохранять нужное без постоянной проверки

Представим условную рабочую ситуацию: человек держит в уме несколько сроков и каждый вечер снова спрашивает коллегу, всё ли он правильно помнит. Иногда подходящей опорой может стать понятный календарь с согласованными датами. Это не улучшение памяти, доказанное данным примером, а организационное решение: нужный факт становится доступен в обозначенном месте. Человек может свериться с ним по необходимости, не требуя от себя постоянно воспроизводить все числа. Внешний источник полезен, если известны его происхождение, актуальность и ответственный за обновление. Без этого список тоже способен вводить в заблуждение.

Можно условно договориться, что изменение даты вносится в одну запись, а старое сообщение не считается окончательной текущей версией. Тогда задача заключается не в победе над забыванием, а в ясности совместной работы. Не обязательно записывать всё подряд. Нужны сведения, от которых реально зависит действие: время, место, обязательство или контакт. Чем больше ненужных копий и несогласованных заметок, тем труднее выбрать источник. Поэтому полезно сначала определить, что требуется сохранить и зачем. Статья не обещает, что календарь решит любые трудности концентрации или памяти, и не предлагает оценивать здоровье по успешности использования записи.

В личной жизни внешняя опора также может быть небольшой: адрес, рецепт или история происхождения семейной вещи. При этом право на приватность остаётся существенным. Не стоит сохранять лишние чужие сведения лишь из страха что-то забыть. Если материал общий, правила доступа и изменения нужно согласовать; если личный, можно выбрать ограниченное хранение. Здесь не предлагается удалять документы или менять архив без отдельного понимания последствий. Практика касается организации известного, а не уничтожения прошлого. Хорошая опора освобождает от ненужного требования держать факт постоянно в голове, но не снимает ответственность за точность записи и её использование. Она позволяет признавать человеческую неполноту, сохраняя важную договорённость во внешнем, проверяемом и подходящем для задачи виде.

VII. Не помнить подробно — не значит простить или оправдать

В условных отношениях человек может перестать вспоминать точные слова давней ссоры, но сохранить ясное решение о границах общения. Это не противоречие. Практическая граница иногда опирается на известные обстоятельства, а не на способность повторить каждую реплику. Уменьшение доступности подробности не устанавливает, что событие стало допустимым. И наоборот, хорошая память не обязывает постоянно возвращаться к конфликту. Забывание, прощение, оправдание и возобновление контакта — разные вопросы. Ни один из них не следует автоматически из другого. Статья не задаёт обязательной последовательности, по которой человек должен пройти.

Если условный собеседник говорит «раз ты уже не помнишь точно, пора снова доверять», в этом есть необоснованный переход. Доверие касается нынешних оснований и согласия, а не только подробности старого рассказа. Можно уточнить, что действительно известно, какие условия изменились и какой контакт человек хочет сейчас. Если сохраняется опасность или существенный риск, неполная память не отменяет внимания к нему. Это авторское рассуждение о границах, не оценка конкретных отношений и не юридическое заключение. Иногда нужная поддержка должна быть профессиональной; статья не заменяет её общим советом помириться или навсегда прекратить связь.

Сохранять информацию о вреде также можно без обязанности ежедневно внутренне переживать его. Условная запись может находиться в надёжном месте для подходящей задачи. Её наличие не требует постоянного чтения, а решение временно не читать не означает уничтожения или отказа от защиты интересов. Нужно различать доступ к материалу, необходимость его хранения и нынешнее внимание. Когда эти различия ясны, человек получает больше вариантов между бесконечным возвращением и полным стиранием. Возможность продолжать жизнь не должна покупаться ценой обязательного оправдания другого. Можно сохранить существенное, поддерживать границы и выбирать новые дела, не обещая себе, что прошлое никогда больше не придёт на ум, и не измеряя самостоятельность скоростью исчезновения каждой тяжёлой детали.

VIII. Память общества нельзя заменить удобством отдельного человека

Условное учреждение может предпочитать забыть неудобный эпизод своей истории, тогда как пострадавшим нужны документы и признание обстоятельств. Здесь слово «отпустить» легко скрывает конфликт интересов. Личная потребность не возвращаться к сцене и коллективная обязанность сохранять существенное свидетельство имеют разные масштабы. Ницшевский вопрос о пользе истории не даёт автоматического разрешения уничтожать записи о вреде. Философская оценка отношения знания к жизни не определяет правила архивов, защиты прав или публичной ответственности. Эти вопросы требуют собственных оснований, компетенции и учёта людей, которых решение затрагивает.

Можно условно сохранить документ и одновременно не заставлять каждого участника постоянно рассказывать историю заново. Сохранение следа и обязательность личного повторения не тождественны. Если запись доступна, другие могут знакомиться с ней по подходящим правилам, не требуя от человека каждый раз подтверждать свою боль перед новой аудиторией. Но доступ тоже должен учитывать приватность и реальные последствия. Публичность не всегда является единственным способом сохранить существенное. Иногда нужен ограниченный архив или профессиональный порядок работы с материалом. Статья не выбирает конкретный режим хранения и не предлагает изменить существующие документы без оценки.

Уважение к памяти включает право разных участников по-разному относиться к годовщине, памятному предмету или совместному мероприятию. Один хочет говорить, другой предпочитает молчание. Эти решения не дают права переименовать историю за всех или требовать одинаковых чувств. Общее действие можно обсуждать через нынешнее согласие и цель: что сохраняется, кому нужно, какой доступ уместен. Если есть спор о фактах, он не решается только количеством желающих забыть. Если есть действующая обязанность, её не отменяет эмоциональная усталость учреждения. Такая граница удерживает две ценности вместе: живые люди не обязаны бесконечно исполнять роль свидетеля, а существенная история не должна исчезать лишь потому, что кому-то удобнее считать прошлое закрытым.

IX. Изменения памяти требуют отдельного медицинского вопроса

National Institute on Aging различает обычную забывчивость и более серьёзные изменения памяти; официальные материалы предлагают обсудить беспокоящие изменения с врачом. Это информационная граница, не диагноз через статью. Философское рассуждение о пользе забывания не объясняет медицинскую причину и не означает, что заметные трудности следует принимать как полезное освобождение. Здесь проверены соответствующие официальные индексированные фрагменты; полного прямого чтения страницы при доступе не получилось. Поэтому статья не воспроизводит диагностический перечень или рекомендации по конкретному заболеванию. NIA, Memory Problems, Forgetfulness, and Aging.

Условный человек может иногда искать слово и тревожиться, что это уже определяет его будущее. Одна бытовая сцена не устанавливает причину, состояние или прогноз. Но и общая фраза «все забывают» не заменяет рассмотрения реально беспокоящих изменений. При обращении полезно сообщить конкретно, что изменилось и как это влияет на обычные дела, не назначая себе категорию заранее. Эта статья не проводит обследование, не выбирает тест и не определяет, какие изменения допустимы для каждого возраста. Медицинский вопрос требует подходящего специалиста, а личная ценность человека не определяется результатом такой оценки.

Если речь о другом человеке, забота также не должна превращаться в постоянный экзамен: «А это помнишь? А кто я?» Условная тревога близкого может быть понятна, но уважительный разговор лучше строить вокруг наблюдаемой нужды и согласия на помощь. Не следует объяснять любую забывчивость нежеланием слушать или недостатком любви. Практическая поддержка может касаться записи договорённости, организации встречи с врачом или обычного дела, если человек согласен. Здесь предложены соразмерные возможности, не процедура ухода или лечения. Граница важна с обеих сторон: не романтизировать тревожащие изменения и не превращать отдельную неудачу воспоминания в окончательное клиническое или нравственное описание. Вопрос о здоровье может быть серьёзным, сохраняя уважение к самостоятельности и достоинству человека.

X. Продолжать — не значит стереть

Условный человек начинает новое дело после завершения важного периода. Он может помнить старое подробно, частично или не так часто обращаться к нему. Само новое действие не доказывает, что прошлое перестало быть дорогим. Продолжение жизни и полнота воспоминания не связаны обязательным правилом. Можно сохранять запись, иногда возвращаться к истории и всё же участвовать в настоящем. Можно признать утрату и не превращать её в ежедневное упражнение. Статья не предлагает срок, после которого человек должен забыть, и не обещает, что новое занятие обязательно уберёт старые чувства.

Ницше спрашивает о служении истории жизни; Августин обращает загадку памяти к Богу; экспериментальная статья проверяет доступность слов; NIA напоминает о медицинском рассмотрении изменений. Их нельзя собрать в один универсальный способ. Авторское применение состоит в различении задач: сохранить нужный факт, уважить дорогую утрату, ограничить необязательное перечитывание, обратиться за подходящей помощью. Иногда одна задача требует действия, другая — открытого вопроса. Самостоятельность здесь означает возможность выбирать соразмерно обстоятельствам, а не полный контроль над тем, что появится в памяти завтра. Человек может быть внимательным к прошлому, признавая предел собственного влияния на его нынешнюю внутреннюю доступность.

В результате вопрос «что нужно забыть?» иногда меняется на более конкретные вопросы. Что важно сохранить внешне? К чему нет необходимости возвращаться сегодня? Какое обязательство остаётся? Какое изменение тревожит и требует врача? Не обязательно отвечать на всё сразу. Можно выбрать один посильный шаг без попытки переписать биографию. Сохранённое свидетельство не требует постоянного переживания, а новая жизнь не оправдывает причинённый вред. Утрата подробности может печалить, не становясь обвинением в нелюбви. Возможность продолжать состоит не в гарантированном исчезновении прошлого, а в праве участвовать в настоящем, сохраняя нужное и признавая неизвестное. Так память и забывание остаются человеческими вопросами с разными задачами, вместо единой проверки силы, верности или способности окончательно «отпустить» всё пережитое.

Что это значит на практике

Выберите при желании одну обычную задачу: срок, адрес, рецепт или завершённую договорённость. Определите, какую информацию действительно нужно сохранить и где находится надёжный источник. Если записи достаточно, не требуйте от себя держать всё постоянно в голове. Не меняйте чужой или общий архив без понимания полномочий и последствий.

Для дорогого воспоминания можно сохранить небольшой доступный след, учитывая согласие и приватность. Не пытайтесь восстановить отсутствующую сцену через воображение и не проверяйте любовь полнотой деталей. Допустимо признать конкретную утрату; внешний материал не обязан заменить отношения или вернуть прежнее чувство.

Если речь о ненужном перечитывании, уточните нынешнюю цель. Можно отложить обращение к материалу на сегодня, сохранив важную информацию и действующие обязательства. Это организационное решение, не тренировка подавления и не обещание перестать помнить. Если тема болезненна, не проводите самостоятельный эксперимент с тяжёлой памятью.

Наконец, беспокоящие изменения памяти обсудите с врачом, не выводя диагноз из статьи. Выберите следующий шаг по задаче: поддержать источник, уточнить согласие, заняться посильным нынешним делом или обратиться за помощью. Продолжение не требует полного стирания прошлого, а сохранение прошлого не требует ежедневного повторного переживания.

Ключевая цитата

> *«Искусство забывать».*

Ницше, «О пользе и вреде истории для жизни», § X; авторский перевод фрагмента Collins. У автора это связано с ограничением исторического горизонта; здесь цитата не служит инструкцией подавлять тяжёлые воспоминания или уничтожать документы.

Связи между традициями

Подход	Что сопоставляется	Сходство	Предел сходства
Философия Ницше	История и нынешнее действие	Использование прошлого имеет меру	Культурная полемика не является медицинской оценкой или приказом забывать
Христианская исповедь Августина	Парадокс помнить забывание	Самопонимание обнаруживает предел	Поиск Бога не объясняет лабораторный механизм
Эксперимент Андерсона и Грина	Доступность выученных слов	Задача извлечения связана с последующим результатом	Пары слов не подтверждают стирание биографии или лечение травмы
Медицинская информация NIA	Беспокоящие изменения памяти	Содержание и последствия требуют внимания	Общая информация не устанавливает диагноз конкретному читателю
Авторская организация и границы	Внешний источник, согласие, новое дело	Продолжение совместимо с сохранением важного	Это не подавление памяти, прощение или изменение архива по умолчанию

Первоисточники и исследования

1. Friedrich Nietzsche. *The Use and Abuse of History*, в *Thoughts Out of Season, Part II*, Adrian Collins translation, историческая редакция 1909. Прочитаны предисловие, существенные части I и X; источник цитат — текст Ницше, не введение переводчика и не начальная цитата Гёте. Текст и данные редакции.

2. Michael C. Anderson, Collin Green. *Suppressing unwanted memories by executive control*. Nature, 2001, 410:366–369. Прочитаны постановка задачи, результаты, обсуждение и методы; модель и переносы отделены от измеренного результата, повторный анализ данных не выполнен. Оригинальный PDF у исследовательской группы.

3. Augustine. *Confessions*, X.16, Edward Bouverie Pusey translation. Прочитан отрывок о забывании и окружающий религиозный контекст; прямой цитаты из этого источника здесь нет. Исторический перевод.

4. National Institute on Aging. *Memory Problems, Forgetfulness, and Aging*. Проверены официальные индексированные фрагменты о различии обычной забывчивости и изменений памяти, обращении к врачу; полное прямое чтение страницы не выполнено, дата последнего пересмотра не заявляется. Официальный материал.

Теги

память, забывание, утрата, внимание, история, Ницше, Августин, Исповедь, философия, христианство, Андерсон, Грин, эксперимент, контроль извлечения, NIA, изменения памяти, врач, внешняя опора, документы, архив, приватность, согласие, границы, ответственность, прощение, настоящее, продолжение, неопределённость, самостоятельность, United Wisdom

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.